

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ВОЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ОРУЖИЕ

Karachay-Balkar Military Terminology and Weapons

Harun AKBAEV*

Резюме: С незапамятных времен человечество занимается охотой, ведет войны, и для всего этого требуется оружие. Все армии мира были вооружены, и каждая сторона старалась иметь самое современное и эффективное оружие. Но не все создавали это оружие и не все умели его делать. Лингвистические исследования в значительной степени помогут определить их языковую и даже временную принадлежность. В составе карачаево-балкарской лексики нами зафиксировано более 2000 военных терминов, при этом абсолютное большинство из них являются исконными. Исходя из функциональных особенностей, всю карачаево-балкарскую военную лексику формально можно разделить на а) воинские подразделения и команды «аскер терминле», б) воинское снаряжение «аскерчини кереклери», в) вооружение «аскер саўутла», г) инженерно-технические средства «лагъым керекле». Согласно выполняемым задачам и роду деятельности военных, можно выделить несколько групп: а) по роду службы – чериў аскер «профессиональная армия», зытчыў аскер «ополчение», мыртазакъ аскер «княжеская дружина» и др.; б) по типу передвижения – джаяў аскер «пехота», атлы аскер «кавалерия»; в) по типу вооружения – сюнгыочу «пикинер»; джаячы «лучник», мараўчу (мерген) «стрелок» и т.п.; г) по внутренней службе – тахсачы «разведчик, лазутчик», ызчы «следопыт», таўчу «егерь» и т.д.; д) по званиям – аскер башчы «командующий», тамада «командир подразделения», джюз башы «сотник», сарайым «служилый дворянин, офицер» и др.

Ключевые слова: Карачай, Балкария, военная терминология, обмундирование, доспехи, оружие, инженерные средства

Makale Gönderim:
18.10.2015
Kabul Tarihi:
10.12.2015

* Харун АКБАЕВ, Карачаевский научно-исследовательский институт имени А.И. Батчаева, заведующий отделом языка, литературы и фольклора, aqharun@yandex.ru

Summary: *Since time immemorial, mankind has been hunting, is war, and it was going to take the weapon. All the armies of the world were armed, and each side tried have to the most modern and effective weapons. But not everything created these weapons and not all knew how to do it. Linguistic research will greatly help determine their language and even temporary affiliation. In the composition of the Karachay-Balkar vocabulary we recorded more than 2,000 military terms, the vast majority of them are indigenous. On the basis of functional features, the entire Karachay-Balkar military vocabulary formally can be divided into a) military units and commands "asker terminle", b) military equipment "askerchini kerecleri") weapons "asker sautla", g) engineering and technical means "lagim kerecle". According to the task and the nature of activity military, we can distinguish several groups: a) the nature of the service – cheriu asker "professional army", zitchiu asker "militia", mirtazaq asker "knyazheskaya Druzhina", etc.; b) the type of movement – jayau asker "infantry", atli asker "cavalry"; c) type of weapons – sunguchu "pikeman"; jaiaci "Archer", marauchu (mergen) "the shooter", etc.; d) domestic service – tahsachi "scout, scout", izchi "Pathfinder", tauchu "the huntsman", etc.; e) by rank – asker bashchi the "commander", tamada "unit commander", juz bashi "centurion", sarayim "military nobleman, officer", etc.*

Keywords: *Karachay, Balkaria, military terminology, military uniform, armor, weapons and engineering tools.*

Вступление

Мир, что вокруг нас, – он невероятно богат, велик, многогранен, насколько не познан, настолько и бесконечен. Всевышний, сотворив Адама, в первую очередь дал ему язык – ключ к познанию и пониманию этого мира (2. Сура Аль-Бакара. 31 аят). Мир человека – это то, что он смог увидеть, ощутить, прочувствовать, познать, и всему этому он дает имена (Ufimtseva, 1989: 108-111, 133-138). Иначе говоря, языковая картина мира и есть наш мир. Каждый народ, проходя определенный исторический путь, создает свой уникальный мир, свою культуру, и все это перманентно фиксируется в его языке в форме слов, фразем и терминов. Язык, как зеркало, непременно отражает то, что было и есть: чего не было в истории народа, того мы и в языке не найдем, и наоборот, что есть в языке, то непременно было и в истории его носителей (Акбаев, 2011:8).

С незапамятных времен человечество занимается охотой, ведет войны, и для всего этого требуется оружие. Лингвистические исследования в значительной степени помогут определить их языковую и даже временную принадлежность. Изучая широкий спектр военной лексики, вникая в их лингвистические и экстралингвистические тонкости, в некоторой степени можно определить и исторически сложившийся корпус военного дела. Например, для совершения интервенции агрессору нужны профессиональная армия (*чериу аскер*), наемные солдаты (*джалдат*), средства быстрого передвижения (*атлы аскер*), служба разведки и регносцировки (*тахсачы*), осадные орудия (*дорбасын, бадрач, тоб*). Те же народы, что вели оборонительные войны, напротив, нуждались в ополченцах (*зытчыу аскер*), пограничниках (*чекчи*), оборонительных стенах (*хуна*), рвах (*индек, чунгур*), окопах (*бетджан*), крепостях (*къала*) и т.д.

Во все времена все армии мира были вооружены, и каждая сторона старалась иметь самое современное и эффективное оружие. Но не все создавали это оружие и не все умели его делать. Например, считается, что первыми порох изобрели китайцы. И хотя европейцы со временем научились пользоваться этим порохом, они еще долго не могли его производить (Karamzin, 1998: 526) и были вынуждены покупать у китайцев, арабов, турков. В этой связи при исследовании военной терминологии нам представляется весьма полезным изучение и некоторой специфической лексики, в том числе терминологии, связанной с производством самого оружия, с его региональными особенностями.

Так, например, карачаево-балкарцы производили порох, несколько отличавшийся от известного китайского черного пороха. Карачаевский порох в своем составе имел серный порошок *кюкюрт*, ископаемую калиевую селитру *отлукъ* (или *от ёзек*), азотно-аммиачный компонент селитры *ачыгъан эчки сийдик*, биодобавку *залькълды* (точнее, *залькълдыны баиш чакълъаны*). Говоря о порохе, интересно отметить то, что он встречается еще в нартском эпосе, в его

основополагающем цикле¹. Есть и материальные подтверждения тому, что горцы с производством пороха были знакомы с очень давних времен – это огромные пороховые ступы легендарного Карчи (не позже конца XIV – начала XV вв.) в устье р. Худес в Большом Карачае.

В одном только Учкуланском обществе Большого Карачая было семь цехов и более десяти кузниц по изготовлению оружия (Karachaevtsi - Balkartsı, 2014: 189). Цеховая система имела свою иерархию, которым руководили дворяне (гекги-хутла), помошниками были деккушла. Существовала также специализация среди мастеров-оружейников: *хонпарчыла* (литейщики пуль), *салачы* (специалист по прикладам), *окъ-тоб непечи* (продавец оружия)², *джерчи* или *агъач уста* (мастер по изготовлению седел), *къайшичи* (шорник), *темирчиле* (кузнецы), *кюбечи* (плакировщик), а отделкой оружия и снаряжения занимался кюмюшчу (ювелир). Таких мастеров узнавали по почерку.

Во многих мировых религиях и языческих культах оружие имеет сакральное значение и нередко используется в ритуальных целях (Tsultem, 1984: 122-125). Что касается собственно карач.-балк. культового оружия, то оно, как правило, не использовалось как боевое – это *къызыл таякъ* (красная палка) в нартских походах, *гиздох таякъ* (палка гиздох) при братании и принятии присяги, *дохгадол балта* при экзекуции, *гудил бычакъ* и *хостау бычакъ* в языческих обрядах вызывания дождя (Karaketov, 1995: 170). Нередко боевое оружие, попав в иную социально-культурную среду, трансформируется в культовое оружие, что, видимо, и отражено в случае с фитильным ружьем легендарных вождей – Бадината у дигорцев и Басията у балкарцев (Etüdi o Balkartsı, 2007: 142-143). Следует заметить и то, что некоторые средства ведения боя, в свою очередь, рождены религиозными мировоззрениями и ритуальной практикой, а потеряв сакральность, они переходили в разряд профанного, т.е. чисто военного. Поэтому функциональные особенности некоторых видов оружия, их название и семантика могут быть объяснены или этимологизированы иногда только при помощи этих же религиозных мировоззрений и обрядов.

Военная терминология

Любому народу, чтобы сохранить свою независимость, свое экономическое и культурное пространство, требуется хорошо организованная профессиональная армия. Будучи автохтонами Кавказа, карачаево-балкарцы являются потомками северокавказских майкопцев (нач. III – сер. II тыс. до н.э.) и кобанцев (XIV-IV вв. до н.э.), а значит, и полноправными наследниками всей их культуры, в том числе и военного дела. Вначале это были кованные, а затем литые

¹ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев (1994). Москва: Наука. Издательская фирма «Восточная литература».

² Хатуев и Эльканов, 2014: 189.

бронзовые, а еще позже железные топоры, булавы, кинжалы, мечи, наконечники копий, стрел и т.п. В карач.-балк. языке собственно бронза обозначается словом *томпакъ* (KBRS, 1989: 644), хотя надо заметить, что четкой дифференциации между бронзой и разновидностями меди (*джез, багъыр*) особо не прослеживается, впрочем, как и во многих других языках. Например, в русском языке слово *бронза* появилось лишь к середине XVIII в. из фр. *bronze* «медь», в свою очередь европейские языки заимствовали данное слово из восточных языков (Chernih, 1994, т. 1: 112).

Нартский кузнец Дебет. Рисунок Н. Крицкого

Говоря о военной составной в истории Северного Кавказа, следует заметить то, что после скифских (VII в. до н.э. – I в. н.э.) легких конниц лучников, облаченных в кожаные доспехи, в первых веках (II-IV вв.) нашей эры здесь появляется своя тяжелая кавалерия (Curtubaev, 2003: 215) - аланские всадники в металлических пластинчатых латах, чешуйчатых панцирях и шлемах, с длинными копьями. Но настоящую революцию в военном деле произвели гунны с их стременами для седла³, плоскими колюще-режущими наконечниками для стрел и несколько изогнутыми назад саблями. Всадник с упором для ног теперь становился абсолютно устойчивым в седле, к тому же он не так уставал и мог преодолевать значительные расстояния. К концу VI в. на Кавказе появляется

³ Некоторые ученые полагают, что изобретателями стремян были не гунны, а родственные им тюркоязычные авары.

новый завоеватель – Тюркский каганат, который к сер. VII века распался на Великую Булгарию и Хазарский каганат. Что касается автохтонов, т.е. предков карачаево-балкарцев, то они ко времени Хазарии (VII в.) уже были знакомы со всеми тонкостями строительства централизованного государства⁴, а к X веку организовали самостоятельную Аланию. С тех пор, вот уже в течение тысячи лет, Карачай и Балкария в той или иной форме, в тех или иных границах, ни разу не теряя самостийность, берегут свою государственность.

Для этого, безусловно, нужны были хорошо организованная система государственной власти и отточенная в долгих сражениях профессиональная военная составная. Видимо, этими обстоятельствами и объясняется такая глубокая разработанность карачаево-балкарской военной терминологии (всего более 2000 единиц), особенно в части оборонной и инженерной лексики. В языке имеется необходимое количество терминов для обозначения военной структуры, рода и вида службы, для подачи тактических и иных команд, приказов, для оценки той или иной военной ситуации, – число отнесенных только к этому разделу терминов составляет более 400 единиц.

Карачаево-балкарскую терминологию, согласно выполняемым задачам и роду деятельности военных, можно разделить на несколько групп:

а) по роду службы – *чериу аскер* «профессиональная армия», *зытчыу аскер* «ополчение», *мыртазакъ аскер* «княжеская дружина», *сакълауулла (чекчиле, къурчала)* «пограничники» и т.д.;

б) по типу передвижения – *джаяу аскер* «пехота», *атлы аскер* «кавалерия»;

в) по типу вооружения – *сюнгиюю* «пикинер»; *джаячы* «лучник», *мараучу (мерген)* «стрелок», *тобчу* «артиллерист» и т.д.;

г) по внутренней службе – *тахсачы* «разведчик, лазутчик», *ызчы* «следопыт», *таучу* «егерь», *бегеюл* «караул, часовой», *гёзет* «ночной дозор», *къазанчы* «кашевар, повар» и т.д.;

д) по званиям – *аскер баишы* «командующий, полководец», *тамада* «командир подразделения», *джюз баишы* «сотник», *сарайым* «служильный дворянин, офицер», *чаууш* «младший офицер, десятник», *чора* «рядовой дружинник», *аскерчи* «солдат», *байракъчы* «знаменосец», *атчы* «ординарец», *чабчы* «посыльный» и т.д.⁵

⁴ Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. (2002). Очерки истории карачаево-балкарцев. Москва - Ставрополь.

⁵ Также см.: Карачаевцы и балкарцы: этнография, история, археология. (1999). Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: власть и общество. Москва, 1999. С. 49-66.

Ночной дозор (гёзет). Рисунок Н. Крицкого

Обмундирование

Как же человечество, начав с самой примитивной одежды (фиговых листьев библейских Адама и Евы), дошло до современных пуленепробиваемых бронезилетов? Вопрос, конечно, не только исторический, но, в некоторой степени, и лингвистический. По правде говоря, первое, что сделал человек своими руками, это, хоть и фиговая, но одежда. И эта одежда имеет свое название – в разных языках по-разному.

Одежда не только прикрывала тело от «посторонних глаз», холода или жары, но еще являлась неким паспортом, идентифицирующим его хозяина. Многие народы (чтобы легко можно было различить своих от чужаков) старались носить уникальную, ни на чью не похожую одежду, а некоторые этнонимы и вовсе произошли от их национальных «пристрастий» к одежде: например, *каракалтаки* (букв. чёрные колпаки) в Азии, славянское племя *чёрные клобуки*, арабское племя *кызылбаши* (букв. красноголовые), а карачаевцы османцев называли *кызылкёчкеле* (букв. красноштанники). По одежде можно было различить не только племенную принадлежность человека, но и его социальный статус, сословное положение, пол (Gagen-Torn, 1933: 122). Например, в современной европейской мужской одежде пуговицы застёгиваются слева направо, а женская одежда справа налево, хотя в традиционной карач.-балк. одежде (как и во всем тюркском мире) и мужская, и женская одежда застёгивалась слева направо. Кстати говоря, в части одежды турки именно своей «правосторонностью» и отличались

от своих «левосторонних» соседей, китайцев и монголов (Sichev and Sichev, 1975: таблицы I-IV). Определенный мультикультуризм в некоторой степени сохраняется в одежде и современных армий.

Экспонаты Нижне-Архызского музея. VIII-X вв.

Что касается собственно карачаево-балкарской одежды, то ее великое многообразие, всю ее красоту и богатство невозможно представить без женской одежды, но так как военным делом занимались только мужчины, мы также ограничимся лишь мужской одеждой, и именно той одеждой, которой пользовались воины. Таким образом, раздел «Обмундирование» включает в себя чуть больше 100 терминов. Безусловно, комплект обмундирования в 100 предметов разом никто не надевал – как было замечено выше, у каждой одежды свое назначение, свой сезон и даже свой статус. Например, одежду коричневого или бордового цвета носили только князья⁶; показываться в нательном белье считалось сверхнеприличием; в домашних или в рабочих одеждах нельзя было ходить на торжества, свадьбы, танцы, а потеря головного убора для мужчины считалась большим позором (Текеуев, 1989: 339).

Карачаевцы и балкарцы, будучи испокон веков отменными животноводами и охотниками, особой нужды в сырье для одежды не испытывали

⁶ Русские послы П. Захарьев и Ф. Ельчин, по пути в Мингрелию гостившие в Карачае (1639-1640), подарили князьям Эльбуздуку и Гилястану Крымшамхаловым ткань именно красного цвета: «четыре аршина сукна краснова аглицкава» (Хатуев Р.Т. Карачаево-балкарская символика. Опыт этнической семиотики / Серия «Библиотека краеведа». - Черк.: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2012, стр. 34).

– мехов для шуб, кожи для обуви и великолепной тонкорунной шерсти для домотканых и войлочных изделий было в избытке. Что же касается «заморских» товаров, то и они в народе весьма широко бытовали⁷. Это объясняется тем, что Великий Шелковый путь проходил и по территории Карачая. Поэтому лучшие материи для одежды и виды оружия в Карачай поступали намного раньше, чем к конечным покупателям Востока и Запада. Вместе с тем Шёлковый путь давал горцам возможность сравнивать свою одежду или оружие с иностранными аналогами, что-то взять у них или по их подобию модернизировать свое, а в чем-то и посоревноваться. По всей видимости, именно такой «транзитный синтез» и позволил нашим предкам создать один из самых практичных и красивых костюмов в мире⁸ – чекмень с газырями, бурку, башлык и папаху.

На все случаи жизни у горца есть соответствующая одежда: в дождь – непромокаемая бурка *джамчы* и башлык; в холод – тулуп *тон*, ватные штаны *джюн кёнчек*, валенки *уюкъ*; от солнца – широкополая войлочная шляпа *кийиз бёрк*; для верховой езды – широкие шаровары *шалбар* или *кенг аулу кёнчек*, чекмень с широко распахивающимися полами и газырями на груди *чепкен*; мягкая обувь для удобной ходьбы по горам *чабырла* и т.д. Кстати, многие народы Европы и в конце средних веков не носили штанов – брюки придумали народы-конники. Подтверждением тому служат и слова великого российского ученого XIX века Н. Костомарова, который, описывая жизнь и быт великорусского народа XVI-XVII вв., писал: «Сапоги носились до колен и служили вместо штанов для нижней части тела» (1993: 88).

Карачаевскую мужскую одежду, в контексте военной тематики, можно разделить на четыре группы: а) верхняя одежда (*юс кийим*); б) нательное белье (*ич кийим*); в) обувь (*аякъ кийим*) и г) доспехи (*кюбе кереги*). Одежду из первой тройки можно было носить всем и во всякое время, а вот доспехи разрешалось надевать только в военном походе и для боя. В мирное время на ношение доспехов существовал табу (*ырыс*), так что даже те, которые остерегались своих кровников, не смели носить в открытую кольчугу, шлем или другие доспехи (как правило, в таких случаях поверх кольчуги надевали бешмет, а под шапкой прятали малый шлем); *кюбе керек* вместе с остальным оружием и верхней одеждой вешали на *быдыркы* «специальную круговую вешалку для одежды и оружия»; комплект той или иной одежды называется *къат – бир къат кийими* (полный комплект одежды), *эки къат кийими* (комплект одежды со сменным запасом) и т.д.

⁷ Студенецкая, 1968: 151.

⁸ Студенецкая, 1968: 152.

Доспехи

Человек, понимая уязвимость своего тела, старался обезопасить каждый миллиметр себя дорогого. Начав с самого примитивного (коры дерева, плетеных прутьев, скрепленных досок, шкур животных), он создавал все новые и новые материалы типа многослойной кожи, плотного войлока, железа; искал идеальную форму этой защите, постоянно совершенствовал. В сражениях, где перманентно сменялись атака с обороной, требовалось не просто безопасность укрытия, но и его мобильность. В итоге он оказался весь в доспехах, с головы до ног: шлем *такъья*, носимый щит *къалкъан*, кольчуга *кюбе*, наколенники *истем*, железные сапоги *темир чурукъ*. Если ход развития гражданской одежды определялся ее удобностью и эстетичностью, то к доспехам предъявлялись несколько иные требования – прочность и функциональность. Оружие и броня – вот два вечных антагониста. Чем острее становилось оружие, тем прочнее делали броню, а мощь последней снова толкала гений человеческого разума совершенствовать оружие.

Говоря об особенностях исторического развития защитных средств карачаево-балкарских воинов, следует обратить внимание как минимум на два момента. Во-первых, они горцы, а в горах выигрывает тот, кто способен быстро двигаться. А значит, доспехи воина должны быть максимально легкими и негромоздкими. Во-вторых, благодаря Шёлковому пути, предки карачаево-балкарцев были хорошо знакомы со всеми новейшими достижениями в области военного дела того времени и у них был прекрасный выбор как в европейских, так и в восточных образцах. Это в равной степени относится и к защитным средствам средневековых горцев.

При этом следует помнить и то, что горцы не всякое европейское или восточное оружие могли себе позволить, в первую очередь, из-за их непрактичности и малоэффективности в горах. Тем не менее, многие из этих европейских и азиатских видов оружия были знакомы горцам, и названия некоторых из них сохранились в языке до наших дней. В корпусе карачаево-балкарской военной терминологии, в частности касающейся доспехов и других защитных средств, прослеживается определенная общность в первую очередь с тюркским миром, немногим меньше с арабским Востоком и еще меньше с Европой. Это вполне согласуется и с историей военных конфликтов и иных контактов горцев.

Карачаево-балкарские воины, в зависимости от материального состояния и сословного статуса, носили доспехи с железной (*темирден кереги*), позолоченной (*алтындан кереги*) или серебряной (*кюмюшден кереги*) отделкой. В соответствии с комплектностью доспехи бывали *толу кюбе керек* «доспехи полного набора», *тоб кюбе* «комплект доспехов, сделанный одним мастером»; *бютеу кюбе* «цельная кольчуга»; рыцарское снаряжение (особенно кольчужный набор) стоило немалых денег и, как правило, передавалось по наследству от отца к сыну.

Кавалерийское снаряжение

Карачаево-балкарская мудрость гласит: «*Ат белден – джигит кёлден*» (Конь /узнается/ по крупу, а мужчина – по духу). И, конечно же, народ, который смог вывести известную на весь мир карачаевскую породу лошадей⁹ (кстати говоря, единственная порода в мире, представители которой покорили высочайшую вершину Европы – гору Эльбрус), также умел надлежащим образом обеспечивать себя достойным конским снаряжением.

Вот как описывает знаменитый русский путешественник и исследователь В.Я. Тепцов, гостивший в конце позапрошлого века в одном из высокогорных карачаевских кошей, ловкость и проворность горца-джигита (хотя его гостеприимный хозяин Шовгай и был обычным скотовладельцем, отцом большой семьи, т.е. гражданским лицом): «Наскоро пообедав, мы начали собираться в путь. Хозяин не задерживал нас и, по обычаю, предложил нам своих лошадей, от чего мы отказались, имея своих. Шовгай скрылся на несколько минут в сакле и вышел оттуда в богатом праздничном наряде, обвешанный оружием: на нем через плечо висела красивая шашка в серебряной под чернью оправе, на серебряном поясе громадный кинжал; за поясом пара пистолетов; ружье в чехле (...). Ретивого серого коня его сдерживали два подростка. Сбруя на коне блестела серебром. Шовгай молодецкато вскочил на коня и сделал на нем несколько красивых аллюров: перепрыгивал через камни; сразу на всем скаку останавливал скакуна; подымал коня на дыбы и заставлял его делать громадные прыжки; бросал кинжал и подымал его на всем скаку за рукоятку; стрелял из пистолета, положив дуло его на голову ретивого коня ...» (2012: 423-424)¹⁰.

В зависимости от задач и служебных особенностей кавалерии ее снаряжение могло быть разным. Например, перед боевым походом или сражением коня накрывали плотной попоной с кольчужными элементами (*ат кюбе*), грудь же коня защищали широким кожаным нагрудником с круглыми металлическими пластинами-фаларами (*бютеу ёшюнлюк*), а уздечка была с шорами (*кёулакълыкёла*); при дальнем походе через заднюю луку седла закидывалась переметная сумка (*артмакёла*) с провиантом (*азыкё*) и другим необходимым снаряжением (*кереклери*), к ней же привязывалась торба с запасом овса (*зынтхы*), аркан, позади них же – крепко притороченная бурка (*джамчы*); а если всадник отправлялся в гости или на торжества, то коня оседлывали парадным седлом (*забит атджер*) и сбруей с серебряной отделкой (*кюмюш ат керек*).

⁹ После сталинской депортации карачаевского народа, карачаевская порода лошадей также была репрессирована – она была «обезличена» и выведена из реестра пород. И только в 1990 г. главный специалист по коневодству министерства сельского хозяйства КЧР Урусов К.-Г. добился включения ее в реестр пород лошадей СССР. А по поводу происхождения породы Урусов К.-Г. пишет: «Карачаевская порода лошадей сформировалась в начале нашего тысячелетия в результате народной селекции» (ЛЖКП, стр. 6).

¹⁰ Цит. по Абайханова (Магаяева) П.И. Москва: ООО Издательство «Перо», 2012, стр. 423-424.

Сбрую для коня подбирали индивидуально, согласно его статьям. Например, деревянные щеки остова седла (*олтанла*) должны были идеально прилегать к спине лошади, плотность чепрака (*джауурлукъ*) подбиралась по кожным особенностям спины коня, а толщина потника (*терлик*) определялась весом всадника и дальностью дороги. Так как кони имели разный характер, то и удила для уздечки выбирали по их норову, а остальная сбруя (нагрудник, пахва, катаур, подпруги и т.д.) подгонялась по размерам коня. Военные стремяна были немного больше и шире обычных, а длина путлиц регулировалась относительно всадника и цели той или иной езды.

Времена шли, менялись технологии, совершенствовались и оружие, и тактика ведения боя. В определенной степени изменениям подвергалась и сбруя. Например, с появлением огнестрельного оружия отпала нужда в кольчужной части сбруи. Сёдла стали более легкими, изящными, деревянные элементы частично сменились на металлические, а шорники стали использовать более современные и более красочные кожи. Тем не менее, из всех видов карач.-балк. военной экипировки наиболее консервативным, наиболее сохранившимся, наверное, можно назвать сбрую. Отрадно отметить и то, что терминология, связанная со сбруей, с ее кольчужной защитой, также сохранилась – в карач.-балк. языке их более 150 единиц.

Оружие

Если обратить внимание на номенклатуру оружия, которая в карачаево-балкарском языке составляет весьма значительный пласт (более 400 единиц), то у неискушенного читателя может сложиться впечатление, будто весь народ, отложив все мирские дела, веками занимался исключительно изготовлением оружия. Но это не так. Карачаево-балкарцы также были отменными животноводами¹¹, выведшими в долгой селекции местные породы лошадей, овец, коз, коров, собак. Их предки были великолепными строителями, создавшими на Кавказе уникальную каменно-срубную культуру типа шале (*тёнгертеге, тохана*). Они также были очень неплохими земледельцами, о чем свидетельствуют используемая в гористой местности система подъема воды для террасного орошения (*суу салыу*) и отлаженный механизм ирригации (*илипин*)¹².

¹¹ Согласно подсчетам А.Д. Петровского-Ильенко, в 1913 г. в Карачае на душу населения приходилось 130 голов скота (Текеев, стр. 7). Сравнивая скотоводство Балкарии с таковым в других округах Терской области, Тульчинский Н.П. еще в 1903 г. отмечал, что балкарцы имели больше крупного рогатого скота, чем Грозненский округ, в 1,7 раза, Владикавказский – в 3,4 раза, Хасавюртский – 1,9 раза, Кабардинский – 1,3 раза, то же относительно овец – соответственно в 8,3 раза, 6,6 раза, 3,3 раза и 3,5 раза (Текеев, стр. 7).

¹² Текеев, стр. 72-77.

Серебряный щит, у которого основную композицию (крест) орнамента формируют 4 кар.-балк. магические (гадальные) кресты-пчелы (чибин). Фото из фондов Карач. НИИ

Карачаево-балкарцы оружие классифицировали, в первую очередь, по функциональному признаку, во-вторых, по размерам и форме, в-третьих, по его материалу, далее – по статусу оружия, по месту происхождения, по мастеру-изготовителю и т.д. Благодаря этим дифференцирующим особенностям, только от слова *бычакъ* (нож) образовано несколько десятков военных терминов и названий холодного оружия, и, видимо, в подобных особенностях различения и номинации кроется часть «секрета» кажущейся многочисленности оружейного корпуса. Хотя, с другой стороны, такая детализация может указывать на то, что карачаево-балкарцы оружейное дело знают не как простые пользователи, но как носители многовековых знаний по оружейному делу.

Исследование некоторых семасиологических особенностей названий видов холодного оружия у тюркских народов выявило еще одну особенность: режущее оружие различается, в первую очередь, по его длине и только потом уже по форме, по материалу и т.д. Например, сабля (*уллу бычакъ*) и меч (*къылыч*), на первый взгляд, различаются по форме (сабля имеет одно лезвие, а меч – обоюдоострое оружие), но у тюркских народов между этими двумя видами оружия, как справедливо заметил К. Мусаев, нет четкой дифференциации (SIGTYA, 2006; 507). Схожесть (для тюрков) этих двух видов оружия, по всей видимости, основана на одинаковой длине их лезвий: общая длина средневекового слабоизогнутого *уллу бычакъ* – 728 мм, ширина клинка – 25-28 мм, толщина – 5

мм¹³, а с XIX в. длина составляла 950 мм¹⁴, что сопоставимо с длиной мечей типа *кылыч* или *сырпын*. Следует учесть и то, что меч является рубяще-колющим (а иногда и ударным) оружием, в первую очередь, пешего воина, а турки в течение последних 1,5 тысячи лет были конниками и главным оружием для себя избрали изогнутую саблю (*уллу бычыкъ*, *суурулгъан бычакъ* и *джатхан бычакъ*), идеально подходящую для нанесения режуще-скользящего удара при их скоростных конных атаках. Таким образом, меч в вооружении карачаево-балкарцев потерял свою значимость и отошел на задний план, видимо, еще в давние времена, что косвенно подтверждается и тем, что его название в большей степени встречается в эпических и ранних произведениях карач.-балк. фольклора.

Карачаево-балкарцы от своих предков унаследовали также топоробразные рубящие виды холодного оружия, древние (каменные, бронзовые) и средневековые (железные) образцы которых археологи часто находят на территории исторического Карачая и Балкарии. В совр. карач.-балк. языке сохранились названия некоторых из этих видов оружия: *ай балта* (секира), *аталгъы балта* (разновидность кельта), *гида балта* (бердыш), *гитче балта* (легкая секира), *балтачыкъ* (топорок) и т.д.

Для ведения дистанционного боя горцы с древнейших времен пользовались метательными видами оружия типа дротика (*муджура*), лука (*джая*), арбалета (*солтанджая*), катапульты (*дорбасын*), пращи ременной (*сыйыртхыч*), пращи-бича (*садакъ*) и др. Многие из них встречаются в нартском эпосе и даже в тех циклах, где описываются доисторические времена. О средневековых луках можно судить по найденному археологами в могильнике «Мошечая балка» аланскому сложному луку (*джая*), длина которого составляет 1,4 м, сделан из кизилового дерева (*чум*), снабжен костяными накладками (*сюек гыпхын*) и подвязками из сухожилий (*чынды*), снаружи обклеен берестой (*тоз къабукъ*)¹⁵. Метательные виды оружия были одинаково успешны как в наступлении, так и при обороне. Но на рубеже XIV–XV вв. у них появляется несравнимо мощный конкурент – на Кавказ приходит фитильное ружье¹⁶. За истекшие 400-500 лет огнестрельное оружие сумело стать главной гордостью горца в его военном деле и тем самым не только безвозвратно вытеснило к XIX в. лук или арбалет, но и отодвинуло на задний план буквально все виды оружия. Многие из них были преданы забвению. Например, такие грозные средства

¹³ Кузнецов, 1993: 201.

¹⁴ К середине XIX в. в Карачае и Балкарии на определенные виды клинкового оружия стали популярны российские стандарты: шашка – общая длина 960 мм, длина клинка 810 мм; сабля – общая длина 950 мм, длина клинка 800 мм; кылыч – общая длина 960 мм, длина клинка 820 мм.

¹⁵ Размеры аланского лука приводятся по В. А. Кузнецову (стр. 202).

¹⁶ Историк Хатуев Р. пишет: «... фитильное ружье (пищаль) было впервые использовано и на Северном Кавказе – армией Тимура в сражении 1395 г. с золотоордынским ханом Тохтамышем на р. Тереке». (Хатуев, Оружейное дело).

ведения боя, как *бурдух къамчи* (кистень), *ай балта* (бердыш) или *гида балта* (секира), большинством сегодняшних носителей кар.-балк. языка и вовсе не воспринимаются как виды боевого оружия, а слова *ушкок* (ружье) и *саут* (оружие), напротив, стали синонимами.

Не входя в особое противоречие с общепринятой классификацией в области средств ведения боя, мы сочли нужным учесть особенности народной дифференциации и в этой связи выделили следующие виды оружия: клинковые (*кескен саутла*), колющие (*чанчхан саутла*), ударные (*ургъан саутла*), метательные (*атхан саутла*), огнестрельные (*ушкокла*).

Говоря об оружии, по-видимому, нам следует сказать и о тех, кто работал над этим оружием. В научной и популярной литературе нередко можно увидеть, как некоторые исследователи без каких-либо на то оснований определяют национальную принадлежность мастеров-оружейников, а также этническое происхождение тех или иных образцов клинкового, огнестрельного и иного оружия. Так, например, усилиями специалиста по карач.-балк. оружию С. Эльканова была доказана ошибочность утверждения, что знаменитый на всем Кавказе и в Крыму мастер-оружейник Мечука (Машуко) якобы был черкесом. На самом деле он происходил из карачаевских Хубиевых: мастер выехал из Большого Карачая в первой половине XIX века в Кабарду, а позднее переехал в Крым (Elkanov, 2012: 100-101). Подобные ошибки допускаются и в некоторых энциклопедиях по оружию. Так, в электронном БЭО в разделе «Клейма...» такие мастера, как Ачабаев, Метов или Мечиев, указаны как «черкесские», хотя даже обывателю известно, что эти фамилии являются исконно карачаево-балкарскими как по происхождению, так и по антропонимике.

Крупнейший специалист по кавказскому оружию Э. Аствацатурян, анализируя клейма на саблях (со ссылкой на не менее выдающегося специалиста по оружию начала XX в. Э. Ленца), пишет, что «кавказский волчок сопровождался по бокам розетками с крестиком внутри – «пчелами», как их называли кавказцы <...>. В этих пчелах кавказцы видели указание на участие клинка в крестовых походах» (Astvaturyan, 2004: 31). В карач.-балк. языке, как и в других тюрк. яз., слово *чибин* означает «пчела»¹⁷, и, что примечательно, это же слово (*чибин*) в игральных картах означает «крести, трефы» – в языке других народов Северного Кавказа подобной омонимии мы как-то не наблюдаем (ср.: кабард.-черкес. *бадзэ // бжэ* «муха, пчела» и *жор* «крест»; ингуш. *моза* «муха» и *жлар* «крест»). Наличие гадальных карт у карачаево-балкарцев объясняется «суфийскими корнями ислама» у них (Natuev, 2014). Следует отметить и то, что изображение карач.-балк. креста-пчелы (*чибин*) весьма часто используется как элемент национальной орнаментики в отделке не только оружия и доспехов, но и на всевозможных

¹⁷ Др.-тюрк. *çibin* «муха, комар» (ДТС, стр. 145); кар.-балк. *чибин* «муха, пчела» (КьМОС, стр. 733); азерб. *чибин* «муха» (АРЛ, стр. 345); татар. *чебен* «муха» (Сафиуллина, стр. 182).

пряжках, ремнях, узорах одежды и украшениях. Как видим, крестоносцы, а на Северном Кавказе ими могли быть геноузцы или францисканцы (карач.-балк. *ференкле*), не имеют какого-либо отношения ни к мамелюкским, ни к карачаево-балкарским картам, а равно и к масти крест-пчела (*чибин*). Из этого мы делаем вывод, что клеймо «крест-пчела» на клинках – это не безликое «кавказское» изобретение и не символ крестоносцев, а собственно карачаево-балкарско-кумыкские¹⁸ крести-трефы (*чибин*).

К великому сожалению, при этнической локализации того или иного оружия, клейма, а также при определении национальности мастера-оружейника подобные исторические, этнографические, языковые и изобразительные реалии многими исследователями кавказского оружия (как начала, так и конца прошлого века) просто игнорировались. Думается, что методика определения национальной принадлежности оружия по месту приобретения того или иного музейного экспоната более чем некорректна.

Инженерно-технические средства

Для того, чтобы в военном деле быть успешным, наравне с оружием и боеприпасами требуется огромное число всевозможных инженерных средств – начиная с транспорта, временного жилья, дорог, мостов, кончая заградительными и иными фортификационными средствами защиты. Самая быстрая кавалерия абсолютно бессильна перед высокой крепостной стеной или заградительными валами из острых кольев, – перед подобными непреодолимыми преградами конница теряет все свои преимущества, становится уязвимой для пешего противника.

Крупный советский археолог проф. Х. Биджиев на территории КЧР и Центрального Кавказа насчитывал порядка 100 средневековых городищ (1993: 311). В одном только Карачае имеется более трех десятков городищ алано-хазарского периода с мощными каменными крепостными стенами (*Хумаринское*), цитаделями, укрепленными фортами, сигнальными и сторожевыми башнями, многие из них имели заградительные рвы и валы (*Байтал-Чапхан*). Безусловно, для строительства подобных военно-инженерных сооружений, а также для тылового обеспечения и иных нужд войск одного вьючного транспорта недостаточно – для этого требуется более эффективные средства доставки грузов и другие инженерно-технические возможности.

Обладание предками карачаево-балкарцев значительными военно-инженерными знаниями и фортификационными средствами доказывается не только археологическими изысканиями, но и самим лексическим материалом карач.-балк. языка. Одних только названий арбы и её разновидностей в

¹⁸ В данном случае карачаевцев, балкарцев и кумыков мы выделили в связи с тем, что именно они являются автохтонными тюркоязычными народами Северного Кавказа.

современно карач.-балк. языке насчитывается около двух десятков (Акбаев, 2011: 146-149); также имеются названия верховых, вьючных, санных, речных и ручных средств перевозок людей и грузов. В языке сохранилось значительное количество терминов, связанных со строительством фортификационных сооружений, защитных и заградительных средств, в том числе терминов, связанных с дорожным и мостостроительным делом. При этом, наряду с имеющимися поздними неологизмами, абсолютное большинство из них относится к исконной карач.-балк. лексике, что также указывает на то, что карачаево-балкарцы с военно-инженерным делом знакомы с давних времен.

Учитывая малочисленность специальных исследований по карачаево-балкарской военной терминологии, по военному делу и оружию, мы осознаем, что данная статья не может охватить всю глубину обозначенной проблемы и что она не может быть исчерпывающей.

ЛИТЕРАТУРА

- AKBAYEV H.M. (2011). Karaçayevskaya voyennaya terminologiya i orujiye (istoriko-etimologičeskij slovar). - Stavropol.
- ASTVASATURYAN E. G. (2004). Orujiye narodov Kavkaza. İzdaniye 2-e, dopolnennoye. Sankt-Peterburg: OOO «İzdatelstvo „Atlant“».
- BİCİYEV H.H. (1993). Türki Severnogo Kavkaza. (Bolgarı, hazarı, karaçayevsı, balkarsı, kumiki, nogaysı: voprosı istorii i kulturu). Çerkessk.
- CHERNIH P.Ya. (1994). İstoriko-etimologičeskij slovar sovremennogo russkogo yazıka. V 2-h tomah. Moskva: Russkiy yazık.
- CURTUBAYEV M.Ç. (2003). Karaçayev-balkarskiy geroičeskij epos. Moskva: Pomatur.
- ELKANOV S.A. (2012). İz istorii orujejnogo dela karaçayevsev i bal-karsev // İzvestiya Karaçayevskogo Nii, vıp. VIII. Çerkessk: İKO «Alanskiy Ermitaj», 2012.
- Etüdi o Balkarii: Urusbiyevı, Misost Abayev, Basiyat Şahanov (2007). Sost., st. ob avtorah, prim. i komment. T.Ş. Bittirovoy. Nalçık: Elbrus.
- GAGEN-TORN N.İ. (1933). K metodike izuçeniya odejdi i etnografii SSSR. SE.
- HATUYEV R. and ELKANOV. (2014). Karaçayevsı. Balkarsı /otv. red. M.D. Karaketov, H.-M. Sabançiyev; İn-t etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN; Karaçayev-Çerkesskiy universitet im. U.D. Aliyeva. Moskva: Nawka, 2014. s. 815, S. 189-195.
- HATUYEV R.T. (2014). Kavkaz mistiçeskij. Çerkessk: İKO «Alanskiy Ermitaj», (rukopis).
- KARAKETOV M.D. (1995). İz tradisionnoy obrâdovo-kultovoy jizni karaçayevsev. Moskva: İzdatelstvo «Nawka».
- KARAMZİN N.M. (1998). İstoriya gosudarstva Rossiyskogo: V 3-h kn. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Kristall.

- KOSTOMAROV N.İ. (1993). Domaşnâya jizn i nravi velikorussskogo naroda. Moskva: Ekonomika.
- Kultura i bit narodov Severnogo Kavkaza. (1968). Pod red. V.K. Gardanova. Moskva: İzdatelstvo «Nauka», 1968. / Studenetskaya E.N. Odejda. S. 151.
- KUZNESOV V.A. (1993). Nijniy Arhız v X-XII vekah: K istorii srednevekovih gorodov Severnogo Kavkaza. Stavropol: Kavkazskaya biblioteka.
- SICHEV L.P. and SICHEV V.L. (1975). Kitayskiy kostüm. Simvolika, istoriya, traktovka v literature i iskusstve. Moskva.
- SIGTYA, 2006 - Sravnitelno-istoričeskaya grammatika türkskih yazıkov. Pratürskiy yazık-osnova. Kartina mira pratürskogo etnosa po dannim yazıka. (2006). Otv. red. E.R. Tenışev, A.V. Dıbo. Moskva: İzdatelstvo «Nauka».
- SULTEM, N.-O. (1984). İskusstvo Mongolii. Moskva: İzobrazitelnoye iskusstvo.
- TEKEYEV K.M. (1989). Karaçayevsı i balkarsı. Tradisionnaya sistema jizneobespeçeniya. Moskva: Nauka, Glavnaya redakciya vostoçnoy literaturı.
- TEPSOV V.Ya. (1892). Po istokam Kubani i Tereka // Sbornik materialov dlâ opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza. Tiflis: 1892 (Sitir. po «Antalogiya pamâtnikov prava narodov Kavkaza». t. 10 // Pamâtniki prava Karaçaya / Sostav. P.İ. Abayhanova (Magayayeva). Moskva: OOO İzdatelstvo «Pero», 2012. S. 423-424.
- UFİMSEVA A.A. (1989). Rol leksiki v poznanii çelovekom deystvitelnosti i v formirovanii yazıkovoy kartini mira // Rol çeloveçeskogo faktora v yazıke. Moskva: İzdatelstvo «Nauka».